

Отзеркалье

Хельга Гем

742	198	531	864	271
309	617	452	906	133
884	230	719	405	662
537	683	114	928	376
258	901	337	775	194
613	028	645		503
970	166	381		089
423	559	087	231	794
692	304	968	145	607
355	821	276	490	318

Всё, что можно сосчитать, становится безопасным. Кроме правды

Хельга Гем
ОТЗЕРКАЛЪЕ

«Автор»

2026

Гем Х.

ОТЗЕРКАЛЬЕ / Х. Гем — «Автор», 2026

Он живёт по расписанию и боится пустоты, пока одна ошибка и повторяющиеся сны не вырывают его в мир, где пурпурное небо отражает самые скользкие долговые зеркала. Бытовая серость соседствует с сюрреалистической аллегорией гипноза: зеркальные замки и светлячкижелания дают голос тем страхам, которые он всегда называл просто «рутиной». В новом пространстве переговоры идут иначе: страх требует цену, желания торгуются, а освобождение оказывается не обещанием, а расплатой. Он учится отдавать часть безопасности ради искренности — но плата оказывается глубже, чем казалось. Сможет ли он вернуться, не потеряв себя??

© Гем Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Трещина в расписании	5
Глава 2. Вещи, которые меняются ночью	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хельга Гем

ОТЗЕРКАЛЬЕ

Глава 1. Трещина в расписании

Артём Волков просыпался в 6:30 утра не потому, что его будил будильник в телефоне. Тот давно превратился в декорацию: лежал на тумбочке и терпеливо ждал своего часа, почти никогда не выполняя прямую обязанность. Организм Артёма опережал его на пару секунд — иногда на минуту, иногда ровно настолько, чтобы он успел открыть глаза и увидеть, как на экране меняются цифры.

Это не было бессонницей в привычном, театральном смысле: без ночных прогулок по комнате, без отчаянного всматривания в потолок и без пальцев, сжимающих простыню. Нет. Сон просто заканчивался — тихо, почти незаметно, словно невидимая рука аккуратно переворачивала страницу внутреннего механизма, и теперь он мог двигаться только в одном направлении.

Квартира на Минской улице, в микрорайоне, который городские карты отмечали бледным пятном, встречала его пробуждение серым светом. Утро просачивалось сквозь тонкие занавески не солнечными лучами, а мутной взвесью, словно кто-то развёл в воде мел и плеснул этим раствором на окна.

Артём не открывал занавески.

Света хватало.

Свет был таким же, как вчера, как позавчера, как в тот вторник, который ничем не отличался от среды, и как в ту среду, которая заранее была похожа на четверг.

Он встал с кровати движением, которое повторил три тысячи двести сорок восемь раз. Цифра была не приблизительной. Артём не любил приблизительности. Сначала — опора на локти. Потом — разворот туловища. Потом — короткая пауза на краю матраса, когда мир окончательно становился вертикальным. Наконец босые ступни касались пола.

Пол был холодный.

Холод входил в тело снизу, поднимался по костям, прогоняя остатки сна. Это было удобно. Сновидения редко задерживались после такого прикосновения. Они отступали, как нарушители, пойманные на чужой территории.

Ванная комната напоминала узкий коридор из серо-голубого кафеля. Здесь всё знало своё место лучше, чем сам Артём. Зубная щётка стояла под углом сорок пять градусов. Тюбик пасты лежал в двух сантиметрах от края раковины. Полотенце было сложено так, что его края образовывали почти идеальный прямоугольник. Почти — потому что абсолютную идеальность Артём считал раздражающей. Она требовала слишком много внимания.

В зеркале его встретило лицо, к которому он привык настолько, что перестал его рассматривать. Он не смотрел на себя — скорее регистрировал наличие отражения, как человек регистрирует зелёный свет светофора: можно двигаться дальше.

Лицо было бледным. Щёки слегка впали. Под глазами залегли тени, заметные только при определённом освещении. Артём не называл это усталостью. Усталость предполагала желание отдохнуть. Здесь было другое: отпечаток жизни, которая не оставляла следов на коже, но постепенно выедала выражение лица.

Душ был коротким и горячим. Температуру воды Артём знал точно: восемь оборотов крана влево. Не семь с половиной. Не девять. Восемь. Тогда вода становилась такой, какой должна быть: достаточно горячей, чтобы не думать, и недостаточно горячей, чтобы чувствовать боль.

Он считал всё.

Минуты.

Деньги.

Калории.

Углеводы.

Граммы жира.

Количество слов, произнесённых за день.

Количество людей, с которыми столкнулся в лифте и не поздоровался.

Количество шагов от кровати до ванной, от ванной до кухни, от кухни до двери.

Всё, что можно было сосчитать, становилось безопаснее. Всё, что нельзя было сосчитать, вызывало беспокойство.

После душа — белая рубашка. Он отглаживал её каждый вечер и вешал на спинку деревянного стула перед кроватью. Ткань была хлопчатобумажной, среднего качества, офисной: не блестела, не цепляла взгляд, не говорила о владельце ничего лишнего. Артём застёгивал пуговицы снизу вверх. Сначала мизинец левой руки касался нижней пуговицы, потом большой палец подхватывал край ткани, потом петля принимала пуговицу внутрь. Маленький порядок. Маленькая победа над хаосом.

Галстук висел на специальном крючке. Красный, в едва заметную полоску. Куплен три года назад в переходе у станции «Охотный Ряд». Ни разу не стиран. Ни разу не испачкан. В этом было что-то подозрительное, но Артём не задерживался на подозрениях. Галстук служил своей функции и оставался безвредным, как большинство предметов в его жизни.

Кухня была узкой, серой и отрезвляющей. На столе стоял электрочайник, придвинутый к углу, будто и он не хотел занимать лишнего места. Рядом — деревянная полочка с четырьмя баночками. В первой был кофе: растворимый, в чёрной упаковке с жёлтыми буквами. Артём покупал именно эту марку, потому что она стоила на три рубля дешевле соседней. Разницу во вкусе замечали люди, которые пили кофе ради вкуса. Артём пил кофе для бодрости, потому что так надо.

Во второй баночке лежал сахар. В третьей — чай. В четвёртой — какао, к которому он не прикасался столько лет, что уже не помнил, когда и зачем купил его. Баночка с какао была странным предметом: вроде бы лишним, но убрать её означало совершить действие, для которого нужна причина. Причины не было. Поэтому какао оставалось.

Он отмерил кофе: одна чайная ложка без верха. Верх означал излишество. Кофе отправился в керамическую чашку — белую, с голубой каёмкой. Чашка была куплена ровно пять лет назад в «Ашане». Когда-то она показалась удачной покупкой. Потом память о покупке стёрлась, и чашка стала просто чашкой: одной из вещей, которые не радуют, не раздражают и потому живут долго.

Кипячение воды занимало четыре минуты тридцать восемь секунд. Артём знал это с точностью до половины секунды. Пока чайник гудел, он смотрел в окно кухни.

Окно выходило не на улицу, а во двор. Там стояли такие же кирпичные дома, как его собственный, с такими же окнами, за которыми жили, вероятно, такие же люди. Иногда Артём думал: смотрят ли они на него? Стоит ли кто-то напротив с чашкой дешёвого кофе и видит в его кухне такую же бледную фигуру, которая тоже смотрит не на двор, а сквозь него?

Скорее всего, нет.

Люди редко смотрели по-настоящему.

Чайник щёлкнул. Звук был сухой и окончательный. Артём залил кипяток в чашку, добавил половину чайной ложки сахара. Не потому, что кофе нуждался в сладости. Таков был ритуал. А ритуалы удерживали человека в рамках. Рамки удерживали человека в целости.

Или только изображали целость.

Эту мысль Артём не стал додумывать. Она могла занять больше времени, чем было предусмотрено утром.

К 7:15 он был одет, причёсан и готов. Кофе он пил стоя, глядя на холодильник. На дверце висела магнитная фигурка храма Василия Блаженного, купленная когда-то у Кремля. Или, полученная в подарок. Но от кого? Артём напряг память, но та предпочла молчать, — и он отступил, позволив вопросу растаять и исчезнуть. Так было легче.

Маршрутка приходила в 7:35. Артём выходил из дома в 7:28. Дорогу он проходил с выверенной скоростью: нельзя быстрее — иначе придёшь слишком рано и будешь стоять на остановке, чувствуя себя лишним; нельзя медленнее — иначе маршрутка уйдёт, оставив тебя рядом с киоском и с болезненным ощущением пропущенного ритма.

Семь минут.

Ровно семь минут от двери до остановки.

Остановка была угловой. Рядом с ней стояли два киоска: один продавал табак и газеты, другой — пирожки. Воздух пах стыдом и выпечкой. Этот запах был утренним, рабочим, городским. В нём смешивались дешёвое тесто, мокрый асфальт, чужая усталость и табачный дым, который будто прилипал к рукам прохожих.

Артём становился чуть в стороне, чтобы не вступать ни с кем в контакт. На остановке обычно было семь-восемь человек, в зависимости от дня недели. Их лица были настолько знакомы, что давно перестали быть чужими. Пожилая женщина в коричневом пальто. Молодой парень со смартфоном, из которого всегда сочился ритмичный звук. Худая девушка с невыразительным лицом. Мужчина средних лет с портфелем. Ещё один мужчина, который иногда кашлял.

Они были не людьми, а назначенными ролями в спектакле, который повторялся с понедельника по пятницу. В выходные остановка пустела, но это не означало, что спектакль отменялся. Просто декорации переносили в другие места, и актёры находили новые условные сцены.

Маршрутка была жёлтой, старой, с потёртыми сиденьями и окнами, которые давно просили воды. Внутри пахло потом, выхлопными газами и ещё чем-то трудноопределимым — плотным запахом публичного пространства, где слишком много людей на короткое время становятся слишком близко друг к другу.

Артём занимал одно и то же место: третья сзади, у окна, но не совсем у окна — на один ряд ближе к проходу. Это положение уменьшало вероятность контакта и справа, и слева. Оно было почти идеальным.

По дороге в офис за стеклом проплывали одинаковые дома, одинаковые магазины, одинаковые дорожные знаки. Иногда из динамиков звучали названия остановок: женский голос, записанный давно и с тех пор повторённый, наверное, миллион раз, утратил всякое живое присутствие. Это был голос машины. Машины не устают. Машины не раздражаются. Машины не хотят замолчать.

Артём уважал этот голос за безопасность.

Офисное здание стояло на краю делового центра — не в сердце, но и не совсем на окраине. В той нейтральной зоне, где строение не может стать ни выдающимся, ни невидимым. Одиннадцать этажей серого бетона и стекла. Его построили в девяностые годы, когда кому-то, видимо, казалось, что функциональность и безликость — близкие родственники.

Фасад был испещрён окнами. За каждым сидели люди, похожие на Артёма: считали, проверяли, анализировали, фиксировали. Огромный организм из множества клеток. Каждая клетка выполняла свою функцию и называла это карьерой.

Артём работал на седьмом этаже, в секторе финансового анализа. Его рабочее место состояло из серого стола, серого стула на колёсиках, компьютера и монитора. Рядом сто-

яли другие столы. За ними сидели другие люди. Они приходили около 8:05, потому что от остановки до офиса было пятнадцать минут ходьбы. Они включали компьютеры в похожем порядке. Они мешали кофе в одинаковых корпоративных кружках, полученных два года назад на мероприятии, смысл которого никто уже не помнил.

Компьютер Артёма загружался семь секунд. Пароль состоял из двенадцати символов: буквы, цифры, спецсимвол. Он вводил его с той же точностью, с какой застёгивал рубашку. Экран вспыхивал синим светом. Появлялись четыре окна, в которых была заключена его рабочая жизнь: почта, таблицы, система документооборота, корпоративный чат.

Первый заход в почту приносил обычный улов: отчёты от коллег, запросы от клиентов, системные уведомления. Артём читал письма последовательно, начиная с самых старых. Так было логичнее. Временная цепочка сохраняла причинность.

Контекст рождает смысл.

Смысл рождает решение.

Решение рождает действие.

Этот закон он усвоил задолго до работы в корпорации. Усвоил так глубоко, что перестал считать его чужим.

Первый запрос пришёл в 9:34. Не звонок — гудящая вибрация в левом углу монитора. Чат от Сергея Алексеевича, старшего аналитика отдела:

«Волков, отправь цифры по трансферам за август. Нужны к 11:00. Срочно».

Артём был готов. Он почти всегда был готов. За пять лет работы он научился предугадывать, какие отчёты потребуются, когда потребуются и сколько минут уйдёт на подготовку. Срочность в корпорации давно перестала быть исключением. Срочность стала климатом. В ней жили, как рыбы в воде.

Он открыл нужную папку, вызвал таблицу с трансфертными операциями, начал сортировать данные по датам. Пальцы двигались по клавиатуре так быстро и ровно, будто принадлежали не человеку, а хорошо обученному инструменту. Он не думал о том, что делает. Мозг был где-то в стороне — если вообще где-то был.

В 10:47 произошло это.

Не гром. Не вспышка. Не драматическая кульминация, после которой рушатся стены и гаснет свет. Нет. Сначала это было похоже на маленький камешек в ботинке: ты продолжаешь идти, потому что не уверен, действительно ли он там, но через несколько шагов понимаешь — да, он есть. И с каждым движением натирает сильнее.

Артём просматривал список операций по переводу средств на счета клиентов и увидел пустую ячейку.

Именно увидел.

Не заметил.

Не обнаружил.

Увидел — как видят дырку в ткани, сквозь которую просвечивает чужой холод.

Номер операции был на месте. Дата была на месте. Имя клиента было на месте. А цифры, которая должна была обозначать сумму перевода, не было. В колонке зияла пустота.

Сначала Артём решил, что это ошибка зрения. Он прищурился. Придвинулся к монитору. Проверил масштаб. Прокрутил строку вверх, вниз, снова вернулся.

Пусто.

Ячейка была белой.

Он открыл исходный документ. Потом поиск по системе. Потом вчерашний архив. Потом резервную копию. Каждый файл, словно сговорившись, показывал одно и то же: операция 3847, дата — 30 августа, клиент — Павлов Дмитрий Леонидович, сумма — отсутствует.

Это была не опечатка.

Не сбой шрифта.

Не случайное смещение строки.

Это была пропущенная платёжная операция. Клиент, со счёта которого должны были списать деньги и направить эту сумму в счёт погашения ипотеки, завис в системе без цифры.

Но это был не обычный ежемесячный платёж. Артём пролистал сопроводительные документы и ощутил, как холодеют пальцы.

Операция 3847 шла финальным траншем по договору купли-продажи — перечислением продавцу в день, когда сделка должна была пойти на регистрацию в Росреестре. Без этой суммы всё замирало на полпути: продавец не получал денег, покупатель — ключей, а квартира зависала в правовом вакууме между подписанными бумагами и незавершённым переводом.

Артём вспомнил вчерашний вечер. Он проверял форму общего отчёта поздно, когда срок подачи документов внезапно сократили на день. В офисе почти никого не осталось. Лампы над рядами столов светили жёлтым. Жанна Эдвардовна, уборщица, проходила между рабочими местами, и пустая тележка с тряпками громыхла одним расшатанным колёсиком.

Может быть, он отвлёкся.

Может быть, рядом что-то упало.

Может быть, пришло сообщение.

Может быть, он случайно пропустил ячейку.

Этого оказалось достаточно.

Пятьсот семьдесят три тысячи рублей.

Артём вывел сумму быстро, сверившись с документацией. Ежемесячный ипотечный платёж семьи Павловых. Одна из тысяч операций, проходивших через его руки каждый месяц. Одна из тысяч строк. Одна из тысяч цифр. И именно эта одна строка вдруг стала живой, тяжёлой, опасной.

Он представил последствия с точностью, которой его научили годы работы. Платёж не пройдёт. Система отправит уведомление. Клиент попытается понять, почему деньги не списались или почему списались не туда. Ипотечный счёт окажется не дополненным. Начнётся просрочка. Штраф. Пени. Звонки. Объяснения. Отметка в кредитной истории. Возможно — угрозы, суд, риск потери квартиры.

Семья проснётся и узнает, что её дом, безопасность, будущее держались на одной ячейке в таблице.

И Артём, который всю жизнь верил в таблицы, впервые почувствовал к ним отвращение.

Он нашёл номер клиента в профиле. Несколько секунд смотрел на цифры телефона. Потом набрал.

Гудок.

Второй.

Третий.

— Алло? — Мужской голос, средний возраст, недосып, настороженность. — *Кто это?*

— *Я из финансового отдела. Звоню относительно вашего счёта. Дмитрий Леонидович?*

Павлов Дмитрий Леонидович. Семья с двумя детьми, насколько Артём помнил из документации. Двое детей, квартира, ипотека, августовский платёж. Слова, которые в отчёте были полями, а в жизни — стенами, кроватями, завтраками, школьными рюкзаками в прихожей.

— *Да, это я,* — сказал Павлов. В его голосе уже звучала тревога.

— *Ваша платёжная операция за август обработана некорректно. Произошла техническая ошибка с нашей стороны.*

Слово «ошибка» прозвучало почти аккуратно. Будто речь шла о неверно поставленной запятой, а не о трещине в чужом доме.

Павлов вдохнул.

— *Что значит ошибка? Я получил уведомление, что деньги списаны, я подумал, что платёж поступил.*

— *Нет. Платёж не поступил. Точнее, сумма не была корректно назначена. Операция зависла в системе.*

Артём знал, что говорит неправду. Ошибка была не технической. Ошибка была его. Но правда требовала имени виновного, а имя виновного было слишком близко к его собственному.

Признать это — значило взять ответственность.

Ответственность означала наказание.

Наказание означало нестабильность.

Нестабильность означала конец его аккуратного, организованного, непоколебимого мира.

— *Когда это исправят?* — спросил Дмитрий Леонидович. Голос у него дрогнул.

— *В ближайший рабочий день. Мы запустим повторную обработку документов.*

Это тоже была ложь. Система не позволяла просто «переделать» операцию. Нужны были согласования, акт, заявление, проверка. «Ближайший рабочий день» легко мог превратиться в два или три, а то и больше. За это время штрафы уже начнут шевелиться в банковских недрах, как мелкие зубастые существа.

— *Это... это очень неудачно,* — сказал Дмитрий Леонидович. — *У нас ипотека. Если произойдёт просрочка, это может повлиять на нашу кредитную оценку, на регистрацию сделки.*

— *Я понимаю. Мы сделаем всё возможное, чтобы исправить ситуацию.*

«**Мы**».

Не «**я**».

Множественное число было удобным плащом. Под ним можно было спрятать конкретную руку, которая не вписала конкретную цифру. Если виновата система, виноват не человек. А систему нельзя посадить на стул напротив, заставить смотреть в глаза и сказать: «Это сделал ты».

— *Спасибо,* — сказал Дмитрий Леонидович.

Связь оборвалась.

Артём положил телефон на стол. Лицо его оставалось неподвижным. Внутри же что-то начало биться, как птица в клетке, вдруг обнаружившая, что прутья настоящие.

В 11:13 Дмитрий Леонидович Павлов пришёл в офис.

Сначала Артём услышал голос в коридоре. Голос был громче, чем утром, резче, сорваннее. Так звучит голос человека, который пока ещё держится, но уже потерял способность контролировать свой страх. Он дрожал, нёс в себе отчаяние, которое выплёскивалось наружу и захватывало всё вокруг.

— *Где у вас финансовый отдел?* — спросил Дмитрий Леонидович у ресепционистки.

Холл банка был просторным и холодным. Пол из светлого мрамора отражал потолочные люстры так чисто, будто отражение было важнее самих ламп. Здесь всё было устроено для доверия: стекло, мрамор, металл, мягкие кресла, ровные улыбки сотрудников. Учреждение, которое вбирало деньги и выдавало мечты, должно было выглядеть надёжно.

Артём увидел Павлова через угловое стекло отдела. Мужчина лет сорока пяти, может быть, сорока восьми. Редящие волосы. Пальто, которое выглядело дешёвым и мятым. На лице — страх. Не отвлечённая тревога, не раздражение клиента, которому задержали услугу, а древний животный страх человека, у которого под ногами зашаталась земля.

Ресепционистка указала направление. Павлов вошёл в офис.

Его взгляд сразу нашёл Артёма. Может быть, потому что Артём сидел ближе всех. Может быть, потому что Павлов узнал голос. А может быть, страх иногда обладает чутьём и умеет находить виновного даже через стекло, столы и корпоративную вежливость.

— *Вы мне звонили?* — спросил Дмитрий Леонидович, остановившись у его стола.

Артём выключил монитор на середине движения. Повернулся в кресле. Встал. Это была правильная тактика: стоять, смотреть в глаза, демонстрировать готовность к диалогу.

— *Да. Я вам звонил. Артём Волков, финансовый аналитик.*

— *Я уже понял, кто вы. Вопрос в том, что вы сделали с моими деньгами.*

В голосе Павлова смешались обвинение, отчаяние и просьба. Он требовал ответа, но не просто ответа. Ему нужен был такой ответ, который вернул бы мир на место, вернул бы ему чувство безопасности, которое он потерял несколько часов назад.

— *Произошла ошибка при обработке данных, —* сказал Артём. — *Ваш платёж был занесен в систему некорректно. Это ошибка нашей системы, и мы берём на себя ответственность.*

Фраза «берём на себя ответственность» была выучена на корпоративном курсе по работе с недовольными клиентами. Нужно было произнести её спокойным голосом, не торопясь. Слово «ответственность» должно было создать ощущение, что проблема уже наполовину решена. В действительности оно часто означало только одно: проблема признана, но ничего ещё не изменилось.

— *Исправьте это сегодня, —* сказал Павлов. — *Сегодня. Я не могу позволить себе просрочку. У меня семья. Дети. Мы купили квартиру.*

Он произнёс «квартиру» не как объект недвижимости, а как заклинание. В этом слове были годы работы, отложенные покупки, отпуска, разговоры с женой ночью, выбор обоев, мебели.

Артём смотрел на него и видел цифры.

Потом, к своему ужасу, начал видеть человека.

Мужчину, который, возможно, всю жизнь работал без особого блеска, но упорно. Который откладывал деньги. Который подписал ипотечный договор и, вероятно, впервые за долгое время почувствовал, что будущее можно потрогать рукой. Вчера вечером он лёг спать в мире, где всё было трудно, но понятно. Сегодня утром мир треснул из-за пустой ячейки.

Из-за Артёма.

— *Я понимаю вашу ситуацию, —* сказал Артём. — *Действительно понимаю. И гарантирую: мы займёмся этим немедленно. Я лично прослежу за вашим делом.*

Это был момент, когда он мог остановиться. Мог сказать правду. Мог признать: «*Ошибка моя. Я пропустил сумму. Процедура займёт несколько дней, но я сделаю всё, что могу*». Эти слова не спасли бы его от последствий, но, возможно, оставили бы внутри что-то целым.

Он не сказал их.

Вместо этого он продолжил лгать, потому что ложь была проще, потому что ложь не угрожала его стабильности, потому что ложь позволяла ему сохранить образ человека, который всё контролирует, всё понимает, всё может исправить.

Дмитрий Леонидович оставил номер телефона и адрес электронной почты, хотя всё это уже было в системе. Он повторил, что будет ждать звонка. Он уходил медленнее, чем пришёл, потому что часть его всё ещё верила, что в этом офисе, в этом учреждении, в этой системе найдётся способ исправить его жизнь.

Артём смотрел ему вслед.

Он видел эту веру, видел, как она тает на глазах, видел, как человек начинает понимать, что его положение, возможно, не столь отчаянно, как он думал, придя сюда, — потому что есть человеческие лица позади, есть люди, которые могут помочь. Но это была иллюзия. Люди не помогают. Люди служат системе. Система служит деньгам. Деньги служат той же бесцельной циркуляции, которая вращает планету и уносит годы нашей жизни в неизвестность.

Он вернулся к столу. Монитор всё ещё был выключен. В чёрном экране отражалось его лицо — бледное, овальное, неподвижное. За спиной двигались коллеги, жужжали компьютеры,

открывались и закрывались ящики. Офис продолжал жить. Это было одно из самых жестоких свойств жизни: она продолжалась, пока бедствие касалось не тебя.

В 14:30 Артёма вызвали к Игорю Павловичу.

Кабинет начальника находился в конце коридора. Этот конец был светлее остального офиса: больше окон, больше солнца, больше пространства, больше власти. Игорь Павлович занимал должность благодаря способности поддерживать порядок и делать вид, что порядок является формой справедливости.

Ему было около пятидесяти. Волосы — железно-серые. Причёска — строгая, почти военная. Белая рубашка — идеально отглаженная. Тёмный галстук — безупречно консервативный. Лицо человека, который многое видел и многое забыл, потому что забывание практичнее памяти.

— *Волков*, — сказал он, не поднимая глаз от листа бумаги. — *Садитесь.*

Артём сел.

Кресло было мягче его рабочего, но удобство казалось ловушкой. Оно не расслабляло, а подчёркивало, что человек перед столом находится ниже человека за столом.

— *Клиент Павлов звонил в отдел жалоб*, — сказал Игорь Павлович. — *Довольно неприятная история.*

Он поднял глаза.

— *Он утверждает, что вы обещали исправить ситуацию сегодня.*

— *Я сказал, что мы приложим максимум усилий.*

— *Он сказал иначе. Цитирую: «Молодой человек гарантировал мне, что всё будет исправлено сегодня».*

У Артёма пересохло во рту. Он почувствовал язык — сухой и чужой, как бумажная полоска.

— *Истина в том, что платёж был пропущен из-за ошибки на вашей стороне, верно?* — продолжил Игорь Павлович. Голос его был спокойным, почти мягким. От этого становилось хуже. — *Я смотрел систему. Операция выполнялась вами вчера вечером. В таблице отсутствует величина переводимой суммы. Ошибка ввода данных?*

— *Да.*

Одно слово легло на стол между ними. Маленькое, плотное, беззащитное.

— *В таком случае процедура требует внутренней проверки и акта об ошибке. После этого мы уведомляем клиента о сроках коррекции. Обычно это три-четыре рабочих дня, иногда больше. Вы же создали у клиента неправдоподобное ожидание. Это непрофессионально, Волков.*

Артём слушал, не двигаясь. Внутри что-то перестраивалось. Фундамент, который казался бетонным, оказался сложенным из сухой глины.

Его поймали.

Но поймали не за ошибку. Ошибки допускали все. Его поймали за слова, которые он не имел права произносить. За то, что вышел за пределы полномочий. За то, что пообещал живому человеку больше, чем разрешала система.

— *Я понимаю*, — сказал Артём. — *Я должен был быть точнее в формулировках.*

— *Вы должны были быть профессионалом.*

Игорь Павлович откинулся на спинку кресла.

— *Я открываю служебное разбирательство*, — сказал Игорь Павлович. — *Месяц вы будете под усиленным контролем. Каждый ваш отчёт пройдёт дополнительную проверку перед отправкой. Ещё одна ошибка — дисциплинарное взыскание. Ясно?*

— *Да. Ясно.*

— *Тогда всё. Можете идти.*

Артём встал. Ноги подрагивали, и он надеялся, что это незаметно. Он дошёл до двери, открыл её, вышел в коридор. Через несколько шагов услышал, как Игорь Павлович закрыл дверь кабинета.

Щелчок был тихим.

Но прозвучал как выстрел.

Остаток дня Артём провёл механически. Он вернулся к столу, включил монитор и начал исправлять ошибку по делу Павлова. Заполнил пропущенную сумму. Подтвердил операцию. Согласовал корректировку. Отправил внутренний запрос.

Формально проблема была решена.

Но слово «*формально*» иногда бывает страшнее слова «*нет*».

Артём понимал: даже если платёж пройдёт, отметка о сбое уже могла остаться в реестре. Маленькое пятно. Может быть, его уберут. Может быть, нет. Может быть, через год Павлов попыбует получить новый кредит, и кто-то в другом банке увидит эту отметку, нахмурится и нажмёт не ту кнопку. Вся жизнь человека может слегка сместиться в сторону худшего, потому что однажды другой человек потерял концентрацию.

К 17:30 сотрудники начали расходиться. Маршрутки у остановок наполнялись телами, спешащими домой ко второй смене беспокойства: ужину, детям, больным родителям, счетам, молчанию, телевизору, недосказанным словам.

Артём остался.

Проверял каждый отчёт трижды. Возвращался к ранним файлам, сверял строки, искал скрытые ошибки, будто в таблицах могли прятаться маленькие серые зверьки, готовые ночью перегрызть чью-нибудь жизнь. Глаза болели от монитора. Голова стала тяжёлой, как мокрая ткань. Но он продолжал.

В девять вечера появилась Жанна Эдвардовна.

Она вошла в офис со своей тележкой. Женщина лет семидесяти, с растрёпанными седыми волосами и глубокими морщинами, которые не старили лицо, а будто делали его подробным. Она молча прошла между столами, вытирая пыль, собирая мусор, возвращая пространству чистоту, которой утром никто не замечал.

Ни один сотрудник никогда не благодарил её всерьёз. Никто не знал, где она живёт. Есть ли у неё дети. Почему она работает ночами, когда люди её возраста должны, как принято говорить, отдыхать. Для офиса она была частью обслуживания — такой же незаметной, как вентиляция или электричество.

Артём смотрел на неё и думал о Павлове.

Мысли сами нарисовали картину: Павлов дома, на кухне, рядом жена. Он рассказывает ей о банке, о платеже, об ипотеке, об обещаниях. Жена слушает, и лицо её постепенно сереет. Дети спят за стеной, не зная, что взрослые иногда сидят ночью на кухне и шёпотом обсуждают, выдержит ли их мир до утра.

Вся эта боль выросла из одной пропущенной цифры.

Артём закрыл компьютер в десять вечера. В офисе оставались только несколько ночных охранников и Жанна Эдвардовна, которая уже закончила, но всё ещё собирала тележку, готовясь к уходу.

На улице стояла свежая сентябрьская ночь. Небо было чёрным, редкие звёзды казались уколами булавок на тёмной ткани. Маршрутки уже не ходили. Артём вызвал такси. Пока машина ехала, он стоял у закрытых витрин и смотрел на своё отражение.

Стекло возвращало ему человека, которого он не узнавал.

В такси он думал о последствиях. Служебное разбирательство. Выговор. Понижение оклада. В худшем случае — увольнение. Система была изобретательна в удалении людей, кото-

рые становились проблемными. Люди в ней походили на расходные детали: пока работают — незаметны, начинают скрипеть — подлежат замене.

Квартира была пуста, как и всегда. Артём включил свет. Жёлтые лампы вспыхнули, осветив комнату. Мебель, которую он покупал в интернет-магазинах: кровать, шкаф, небольшой стол, стул. Ничего личного. Ничего, что показывало бы, что здесь живёт человек, имеющий историю, имеющий воспоминания, имеющий что-то, что отличало бы его от миллионов других людей, живущих в миллионах других идентичных квартир по всему городу.

Он снял галстук, аккуратно повесил на крючок. Рубашку — на спинку стула. Потом замер.

Ящик стола был приоткрыт.

Вчера, разбирая старые вещи, он нашёл там флешку с фотографиями. Маленький чёрный прямоугольник, который ничего не весил и почему-то казался тяжелее папки с отчётами.

Артём достал флешку и вставил в компьютер.

Экран ожил. Появились папки с датами. Давние годы. Давние сезоны. Времена, которые не вписывались в нынешний график.

Он открыл папку «2019_Лето».

Фотографии загрузились не сразу, будто память сопротивлялась.

Сначала — размытые миниатюры. Потом цвета. Лето. Трава. Небо. Солнце.

Артём с гитарой.

Молодой, с длинными волосами, улыбающийся чему-то за кадром. Не вежливо. Не для пропуска. Не для корпоративного бейджа. По-настоящему улыбающийся.

Артём в поле.

Артём рядом с молодой женщиной.

Женщину звали Лидия.

Лидия в жёлтом платье. Лидия с распущенными волосами. Лидия в момент смеха, пойманного камерой так точно, что казалось — ещё секунда, и из динамиков компьютера вырвется её голос. Она была живая. Нестерпимо живая. Так не похожая на мир, в котором всё лежало под прямым углом.

Артём помнил этот день.

Семь лет назад они поехали за город. Лида заставила его взять гитару. Сказала, что он забыл, как играть. Что пальцы его стали деревянными. Что голос стал механическим, потому что слишком долго пел людям, которые его не слушали.

Она была права.

Но в тот день, в поле, рядом с ней, он вспомнил.

Музыка оказалась не нотами и не аккордами. Она была чем-то, что проходило сквозь грудь, расширяло рёбра, соединяло человека с травой, небом, чужой ладонью, собственным дыханием. Она делала его живым без объяснений и разрешений.

Что случилось потом?

Как он дошёл от того человека — того, кто улыбается в камеру, того, кто поёт в поле, того, кто держит за руку женщину, — к этому человеку, который сидит в пустой квартире в сентябре, на тридцать втором году своей жизни, и как сумасшедший считает каждый час, каждую минуту, каждую секунду, словно они деньги, которые он должен был инвестировать?

Он вдруг понял, что самое страшное случилось не сегодня.

Не ошибка с платежом.

Не разговор с Павловым.

Не кабинет Игоря Павловича.

Не угроза взыскания.

Страшным было другое: он жил жизнь, которая постепенно отделилась от него самого. Жизнь, выстроенная чужими правилами, для чужих целей, в чужом ритме. Он стал средством, а не существом. И никто не заставлял его насильно. Он сам день за днём соглашался.

Артём закрыл папку с фотографиями.

На экране снова появились обычные каталоги: «Работа», «Документы», «Медицина», «Образование», «Налоги», «Скан паспорта». Названия были точными, полезными, мёртвыми. Он начал искать что-то, хотя не знал, что именно.

Курсор скользил по иконкам.

Нигде не было папки «Жизнь».

Нигде не было папки «Счастье».

Нигде не было папки «Я».

В конце концов он открыл браузер. Белая строка поиска засветилась в темноте комнаты, как узкая щель под дверью.

Пальцы начали печатать сами:

«помощь при тревожности»

«разрушение стереотипов»

«как избавиться от рутины»

«как научиться хотеть»

«гипнотерапия».

Каждый запрос казался неловким. Почти стыдным. Так, наверное, ищет человек, который стоит на краю пропасти и набирает в поисковике слово «верёвка», не зная, спасёт она его или утянет глубже.

Он переходил по ссылкам, закрывал страницы, открывал новые. Встречались гладкие сайты с фотографиями улыбающихся специалистов, статьи про осознанность, форумы с чужими признаниями, тексты, где каждое второе слово обещало исцеление. Большая часть казалась подозрительной. Слишком яркой. Слишком уверенной. Слишком похожей на рекламу чудес.

Потом он нашёл пост на старом форуме.

Человек писал о гипнотерапии без рекламной гладкости. *«Помогло увидеть свою жизнь со стороны».* *«Я понял, что повторяю один и тот же день».* *«Я не стал другим человеком, но перестал быть только тем, кем меня сделали обстоятельства».*

Под постом была ссылка на специалиста.

Лидия Сергеевна Черноусова.

Гипнотерапевт. Экзистенциальные кризисы. Системные паттерны поведения. Работа со снами.

Имя прозвучало странно. Не потому, что совпадало с именем женщины из прошлого. Совпадения случались. Мир любил дешёвые трюки. Но всё равно от этих трёх слогов — **ЛИ-ДИ-Я** — внутри Артёма что-то отозвалось, будто старая струна, которую случайно задела в тёмной комнате.

Он посмотрел на часы.

1:03.

Звонить в час ночи было безумием. Нормальные люди не звонят специалистам ночью. Нормальные люди спят, откладывают, записываются через форму, выбирают удобное время, читают отзывы, сравнивают цены.

Но был ли он нормальным?

Вопрос не испугал. Испугало то, что ответа не последовало.

На сайте было два номера: мобильный и офисный. Рядом с офисным мелким шрифтом значилось: «не рекомендуется звонить вне рабочих часов».

Артём выбрал офисный.

Телефон звонил долго. Каждый гудок расширял тишину квартиры. На четвёртом гудке ему захотелось сбросить вызов. На пятом — стало стыдно. На шестом — он понял, что никто не ответит.

Потом включился автоответчик.

Голос был женский, записанный днём, но ночью звучал иначе: спокойнее, глубже, будто говорил не из кабинета, а из соседней комнаты сна.

«Спасибо, что позвонили в кабинет гипнотерапии Лидии Сергеевны Черноусовой. Если это срочный вызов, пожалуйста, оставьте сообщение. Если нет — позвоните в рабочие часы: с девяти до восьми вечера, кроме выходных».

Сигнал.

Артём открыл рот и на секунду забыл, как говорят люди, когда говорят не по форме.

— Здравствуйте. Меня зовут Артём. Мне нужна помощь. Мне нужно понять, что со мной происходит. Пожалуйста, позвоните мне, когда сможете. Спасибо.

Он продиктовал номер. Сбросил.

Комната стала ещё тише.

После этого он лёг в кровать. Но сон не пришёл. Глаза оставались открытыми, мысли множились, ветвились, цеплялись друг за друга. Каждая мысль рождала две новые, те — ещё четыре, и всё это превращалось в бесконечную рекурсивную функцию без базового случая.

Павлов.

Пустая ячейка.

Лида в жёлтом платье.

Игорь Павлович.

Галстук на крючке.

Флешка.

Голос автоответчика.

Павлов.

Павлов.

Павлов.

Где-то после трёх ночи глаза наконец закрылись.

И он оказался там.

Место было похоже на его спальню, но с чужим дыханием в стенах. Цвет стен оставался бежевым, однако изнутри проступал нежно-фиолетовый свет. Окно стало больше. За ним была не Минская улица, не двор, не кирпичные дома с одинаковыми окнами. За окном раскинулось небо цвета черничного компота — густое, тёмное, подсвеченное изнутри.

Артём понял, что лежит не в кровати.

Он стоял.

Нет — плыл.

Нет — тонул.

Под ним был не пол, а вода. Тёплая, тягучая, пахнувшая озером, водорослями и чем-то сладким, как переспевшие ягоды. Сначала вода доходила до груди. Потом до ключиц. Потом до шеи.

Он попытался поднять руки, но конечности двигались медленно, будто их обмотали мокрой тканью. Попытался сделать шаг — ноги не нашли дна. Попытался вдохнуть глубже — воздух стал вязким.

Вокруг зажглись огоньки.

Один.

Потом три.

Потом десятки.

Маленькие существа выплывали из фиолетовой темноты. Светящиеся тела, тонкие крылья, крошечные лица — или ему только казалось, что лица. Они были похожи на светлячков, но не были насекомыми. В их движении было намерение. В их свете — мысль.

Они кружили вокруг Артёма, то приближаясь, то отступая. Некоторые смотрели с любопытством. Некоторые — с жалостью. А в некоторых мерцал голод.

Артём хотел крикнуть, но изо рта вышли пузырьки. Вода коснулась подбородка. Потом губ. Он запрокинул голову, пытаясь удержать последний кусок воздуха.

Небо над ним сияло чернично-фиолетовым. В этом сиянии не было ни солнца, ни луны. Свет исходил откуда-то снизу, будто мир перевернули, и теперь дно светило вместо неба.

Светлячки приблизились.

Один сел ему на плечо. Вес почти не чувствовался, но кожу обожгло холодом.

Артём услышал шёпот.

Не ушами.

Внутри.

«Он забыл».

Другой голос ответил:

«Нет. Его заставили забыть».

Третий, тонкий и злой:

«Те, кто забывают себя, становятся кормом».

Вода поднялась до носа.

Он вдохнул — и вдохнул воду.

Страха почему-то не было. Была неизбежность. Такая же, как в расписании. Как в утреннем свете. Как в восьми оборотах крана. Как во всём, чему он позволял происходить с собой.

Он тонул не в воде.

Он тонул в собственном порядке.

Артём проснулся с криком.

Футболка прилипла к спине от пота. Простыня была скручена, будто ночью он боролся не со сном, а с живым противником. На часах светило 4:47.

Он сел на кровати. Воздух квартиры был сухим, обычным, московским. Но в горле ещё стоял вкус озёрной воды.

Артём встал. Ноги были нетвёрдыми. Он дошёл до ванной, включил холодную воду и умылся. В зеркале появилось лицо — его лицо, но будто кто-то добавил к нему лишний слой.

Глаза были страшными.

Не из-за усталости.

В них поселился чужой отблеск: фиолетовый, глубокий, как свет из-под воды.

Он вернулся в спальню и больше не спал. Лежал неподвижно, как вещь, которую забыли убрать на место. Ждал рассвета. Ждал, когда ночь отпустит и можно будет вернуться к маршруту, расписанию, предметам с понятными функциями.

Среда началась почти как вторник.

В 6:47.

Не в 6:30.

Это было первое нарушение.

Артём смотрел на цифры часов и не сразу понял, что они означают. Он проспал семнадцать минут сверх обычного. Семнадцать минут — не катастрофа, но трещина. Утро уже не помещалось в привычный шаблон.

Он принял душ быстрее. Кофе выпил почти горячим, обжёг язык и не стал добавлять вторую порцию воды. Рубашку застегнул с верхней пуговицы, заметил это только на середине и на несколько секунд замер. Потом расстегнул всё и начал заново — снизу вверх, как положено.

Галстук лёг чуть криво. Он поправил.

На остановку пришёл на две минуты позже. Маршрутка была та же. Люди те же. Киоск с пирожками источал прежний запах. Но Артёму казалось, что всё покрыто тончайшей фиолетовой плёнкой, видимой только ему.

Работа шла как обычно, но он не мог сосредоточиться. Глаза скользили по строкам, пальцы двигались по клавиатуре, а ум возвращался под черничное небо. К воде. К светлячкам. К фразе, которую он не мог забыть:

«Те, кто забывают себя, становятся кормом».

В 10:15 компьютер издал звук входящего звонка.

Неизвестный номер.

Артём посмотрел на экран. Сердце ударило сильнее. На пол-удара. Потом ещё.

Он ответил.

— *Здравствуйте, это Артём?* — спросил женский голос.

Спокойный. Низкий. С едва заметным акцентом, который невозможно было определить. Голос не спешил. В нём было странное качество: будто человек на другом конце провода стоял не в комнате, а у открытой двери.

— *Да.*

— *Это Лидия Сергеевна Черноусова. Я получила ваше сообщение. Вы звонили ночью.*

Артём сжал трубку. Он не ожидал, что она перезвонит так быстро. Не ожидал, что перезвонит вообще. Ночная попытка уже начала казаться ему чем-то постыдным, почти детским, вроде записки, оставленной под дверью незнакомого дома.

— *Да,* — сказал он. — *Спасибо, что позвонили. Я... не знаю, с чего начать.*

— *Начните с того, почему вы мне позвонили,* — сказала Лидия Сергеевна. — *Что произошло?*

И Артём начал говорить.

Сначала осторожно, словно перечислял пункты отчёта. Об ошибке. О платеже. О Павлове. Об ипотеке. Потом слова стали сбиваться, уходить в стороны. Он рассказал о расписании, которое держит его жизнь, но не даёт ей дышать. О фотографиях. О гитаре. О Лидии из прошлого — не Черноусовой, другой Лидии, которая когда-то знала его живым. О сне. О воде. О фиолетовом небе. О существах, похожих на светлячков, но слишком разумных, чтобы быть насекомыми.

Коллеги вокруг стучали по клавишам, переговаривались, открывали файлы. Офис жил своей обычной жизнью. А Артём сидел в углу и говорил правду незнакомой женщине.

Лидия Сергеевна не перебивала.

Когда он закончил, в трубке некоторое время стояла тишина. Но не пустая. Слушающая.

— *Я вижу,* — сказала она наконец.

Артём не понял, что именно она видит, но почему-то поверил.

— *У вас есть свободное время завтра? Я могу принять вас в 15:00.*

Артём открыл календарь. В календаре стояли обычные задачи: отчёт, сверка, проверка, планёрка. В 15:00 — пусто.

Пустая ячейка.

На этот раз пустота не пугала.

— *Да,* — сказал он. — *Я могу.*

— *Хорошо.*

Она продиктовала адрес: Красносельский район, здание, подъезд, третий этаж, кабинет. Артём записывал на стикере, хотя мог бы внести в телефон. Бумага казалась надёжнее. Почерк вышел неровным.

— *Спасибо,* — сказал он.

— *Не за что. Я жду вас завтра. И, Артём...*

Его имя в её устах прозвучало странно: объёмнее, чем обычно. Будто она произнесла не обозначение сотрудника, а вызвала по имени кого-то, кто давно не откликнулся.

— Да?

— *Попробуйте сегодня спать. И обращайтесь внимание на сны. Они могут оказаться важнее, чем вы привыкли думать.*

На том конце положили трубку, и Артём остался один в молчании офиса.

Он посмотрел в окно. За стеклом лежала серая, уже осенняя Москва — город, который будто застывал в миллионах одинаковых дней: выцветших, деловых, заранее прожитых. И всё же в этом дне что-то сдвинулось.

Артём назначил встречу. Позвонил по номеру. Произнёс слова, которые были простыми, истинными и потому почти невозможными.

Он сделал первый шаг.

Первый шаг — в новое место. Первый шаг — прочь от графиков, расписаний и аккуратной жизни, заполненной снаружи и пустой внутри. Сидя за своим столом, Артём чувствовал, как кровь бежит чуть быстрее, как сердце бьётся чуть сильнее, как лёгкие впервые за долгое время принимают воздух не по привычке, а жадно, почти с удивлением.

Он стоял на краю.

Край был похож на пропасть. Но, может быть, внизу была вода. Может быть, у этой воды было дно. А на дне — жизнь. Не правильная, не удобная, не одобренная кем-то заранее, а настоящая. Его собственная.

Артём вернулся к работе.

Его руки заметно дрожали. Глаза тоже стали другими: они смотрели в экран, но видели что-то за ним — не изображение, не цифры, не таблицы, а дальний просвет. И ум его, привыкший считать, сравнивать и выводить точные итоги, вдруг обнаружил, что прежние вычисления потеряли вес. Они всё ещё были нужны, но уже не казались главными. Не казались срочными. Не казались реальностью.

Потому что сама реальность начала смещаться.

Она тихо трескалась, как лёд под первым весенним солнцем. И сквозь эти трещины проступал свет — фиолетовый, невозможный, тревожный свет неизвестного. Свет того, что ещё не случилось, но уже звало его по имени.

Глава 2. Вещи, которые меняются ночью

Кабинет Лидии Сергеевны Черноусовой находился в здании, которое Артём мог бы назвать намеренно равнодушным к миру. Белые стены не столько отражали шум города, сколько проглатывали его, возвращая внутрь ровную, почти осязаемую тишину. Свет здесь не жёг и не резал глаза, как люминесцентные лампы в офисе; он растекался, словно молоко в воде, — мягко и равномерно, не назначая ни один угол главным. Даже кондиционер работал так тихо, что его шёпот легко было принять за собственное дыхание.

Артём вошёл в кабинет ровно в 15:00, в паузу, которую заранее выкроил из рабочего дня. Свой стол он оставил так, чтобы любой коллега, заглянув в его куб, увидел не отсутствие человека, а продолжение порядка: монитор под идеальным углом, ручка параллельно клавиатуре, папка с отчётом чуть левее чашки. Кресло ещё хранило тепло его тела.

Он сел в предложенное кресло и на мгновение задержал дыхание, словно чувствуя, что эта встреча способна изменить его жизнь.

Лидия Сергеевна села напротив, и её присутствие обладало странным свойством: его хотелось анализировать, но рядом с ней анализ терял силу. Ей, должно быть, было около пятидесяти, но не в том смысле, в каком возраст превращается в крепость, за которой прячется время. Скорее, годы прошли сквозь неё, как вода прокладывает русло: неторопливо, точно, без лишнего шума. Глаза были цвета неба в тот миг, когда солнце только задумывается о закате. А когда она говорила, каждое слово казалось заранее взвешенным — не из осторожности, а из уважения к самому слову.

— *Артём, верно?* — спросила она.

Вопрос звучал просто, но в нём содержалось всё, что ей требовалось знать для начала. Она уже видела его анкету, короткие ответы, оставленные им в форме первичного интервью, и, возможно, даже прочитала между строк то, что он сам старательно обошёл.

— *Расскажите мне, если не возражаете, что привело вас сюда. В этот день. В эту комнату. С этим намерением.*

Артём почувствовал, как его горло выполняет привычную работу, которой занималось ежедневно, но никогда — при таких обстоятельствах. Голос вышел ровнее, чем он ожидал.

— *Я...* — начал он и замолчал.

Фраза, которую он собирался произнести, была чем-то средним между объяснением и оправданием. Так он обычно и разговаривал: каждое высказывание заранее превращал в защиту от обвинения, которого никто ещё не предъявил.

— *Я ощущаю, что внутри сбился ход, —* сказал он наконец. — *Будто в часовом механизме одно колесо начало биться о стенку корпуса. Я могу продолжать работать, могу выполнять все движения, но звук становится всё громче.*

Лидия Сергеевна кивнула. Это не было ни утешением, ни одобрением. Скорее, профессиональным жестом бережного сохранения.

— *Колёса, —* повторила она. — *Интересное сравнение для человека, чья работа связана с числами. Числа тоже похожи на колёса, если задуматься. Зубцы цепляются за зубцы, и возникает видимость движения.*

Она слегка наклонилась вперёд, и в её движении чувствовалась лёгкая сила, почти магнетическая.

— *Но давайте на время оставим механизмы. Я хочу, чтобы вы забыли, что вы финансист. Забыли о должности, отчётах, таблицах. Кто вы ещё, Артём, кроме голоса, который произносит числа?*

Вопрос повис в кабинете, как пыль в луче света: вроде бы неподвижная, но живая, полная крошечного движения. Артём осторожно вдохнул, будто каждый вдох тоже мог стать ответом и потому требовал обдумывания.

— *Я не уверен, что я ещё кто-то, кроме этого,* — признался он.

Это был первый честный звук, вышедший из него за много месяцев, а может быть, и за годы.

Лидия Сергеевна не стала ничего записывать. Её руки оставались на виду, спокойно лежали над столешницей. Позже Артём поймёт: это был не случайность, а выбор. Она показывала ему, что его слова не превращаются прямо сейчас в протокол, что эта комната — место без немедленного отчёта.

— *Хорошо,* — сказала она. — *Тогда попробуем найти, кто вы, если это вообще можно обнаружить в состоянии, которое мы с вами создадим. Вам удобно?*

Артём кивнул.

Она начала говорить — медленно, почти напевно, оставляя между словами длинные промежутки, в которых звук успевал раствориться, прежде чем появлялся следующий. Стены будто придвинулись ближе, но не угрожающе, а защищая, как ладони вокруг маленького огня. Его тело, которое он привык считать инструментом для выполнения задач, вдруг показалось ему отдельным владением: местом, куда он давно не заходил, хотя всю жизнь носил его с собой.

Голос Лидии Сергеевны попросил заметить напряжение в ступнях. Артём заметил. Она предложила позволить этому напряжению стать теплом, и оно послушно изменило форму. Икры, бёдра, живот — каждая часть тела отвечала на её слова с той же точностью, с какой обычно выполняла приказы его умственной дисциплины. Только теперь это было иначе. Не приказ. Не контроль. Скорее, кто-то другой впервые управлял его телом так, будто любил его: не выжимал максимум пользы, не требовал эффективности, а просто разрешал существовать, распределяя вес не по законам амбиций, а по законам физики.

Вычисления прекратились.

Не стихли постепенно, не ушли на задний план, а выключились сразу — будто кто-то щёлкнул невидимым тумблером. Артём, погружаясь глубже, понял: за всю жизнь его ум ни разу по-настоящему не замолкал. Даже во сне, даже в редкие минуты отдыха где-то внутри продолжала работать маленькая серверная ферма. Она гудела, пересчитывала, сопоставляла, предупреждала, строила прогнозы. Теперь гул исчез, и в тишине обнаружилось нечто непредвиденное: покой такой плотности, что он казался почти преступным.

Потом пришли образы.

Небо было пурпурно-фиолетовым, но не грозovým. Это был цвет мира, в котором время выучило новый способ движения: медленнее, шире, с волшебной неторопливостью. Артём плыл или парил — в этом месте разница не имела значения. Внизу расстилались сооружения, невозможные в геометрии обычного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.